



владимир
егоров

у истоков
руси
меж варягом
и греком

Владимир Егоров

**У истоков Руси: меж
варягом и греком**

«Алисторус»

2010

Егоров В. Б.

У истоков Руси: меж варягом и греком / В. Б. Егоров —
«Алисторус», 2010

Официальная трактовка возникновения Киевской Руси и зарождения русского народа, восходящая к так называемой Начальной летописи, неоднократно подвергалась и продолжает подвергаться критике. Данная книга – не просто очередная критика летописной традиции, «официальной» версии становления русской государственности, но попытка дать ответ на вопрос: откуда ты, Русь? Она будет интересна как массовому читателю, которому небезразлична древняя история его страны и его народа, так и специалистам, преподавателям, учащимся.

© Егоров В. Б., 2010

© Алисторус, 2010

Содержание

От автора	5
Глава 1	9
Предисловие: замысления	9
Злословие: размышления	14
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Владимир Борисович Егоров

У истоков Руси: меж варягом и греком

От автора

В школе я не любил историю, хотя в целом учился неплохо. Именно по истории был честно заработан единственный за все одиннадцать лет полирования локтями школьной парты «кол». В те годы сей предмет представлялся мне бессмысленной скачкой по векам и тысячелетиям с тупой зубрежкой ничего не значащих имен и дат. Все это многократно усугублялось горластой «историчкой», не питавшей никаких добрых чувств ни к своему предмету, ни к ученикам. Школу я покинул, ничегошеньки не унеся с собой о прошлом человечества. Интерес к нему «прорезался» в весьма почтенном возрасте с неожиданным для самого себя осознанием, что история – это отнюдь не набор имен и дат, а клубок увлекательнейших загадок, смутно угадываемых между строчками учебника.

Много чего не любил я в школе, зато всегда любил головоломки. Не раз они вовлекали меня в разные истории и в конце концов затащили в Историю. Не знаю, почему именно в нее, ведь мир полон всевозможными загадками. Может быть, потому, что с годами история своего рода, прошлое своего народа у нормальных людей приобретают все большие интерес и значение. И я по достижении «критического» возраста не избежал этого жребия. Обратившись к родной истории, методично начал по порядку, с самого начала, со становления древней Руси и... всерьез застрял там. Сегодня, переворотив тысячи страниц и проглядев сотни файлов, отчетливо понимаю, что появление древней Руси – необъяснимый феномен, полнейшая загадка не только для меня, но и для профессиональных историков. Историю и предысторию возникновения начальной Руси еще предстоит написать с чистого листа, а процесс становления Киевской Руси практически полностью переписать, поскольку он формально написан и есть в школьных учебниках, но как же далеко написанное от реальности!

15 мая 2009 года вышел Указ президента Российской Федерации «О Комиссии при президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Здесь не место обсуждать содержание Указа и реакцию на него в обществе. Пока хватит и названия: речь о том, можно ли фальсифицировать историю? Судя по названию президентского указа, можно, но нельзя. То есть в принципе можно, но в ущерб интересам России – ни-ни! А если не в ущерб? Ну хорошо, а если не фальсифицировать, а просто переписывать? Или это одно и то же? История, она ведь уже вся расписана: книжки, учебники, монографии. Чтобы чего-нибудь там сфальсифицировать, приходится ее, эту историю, никуда не денешься, переписывать. Так что ежели, к примеру, запретить каким-нибудь указом всякую перепись истории, то заодно всем фальсификациям сам собой придет конец.

Еще древние мудрецы заметили, что большинство споров возникает не потому, что спорящие по-разному понимают существо дела, а потому, что в споре называют одни и те же вещи разными именами или наоборот – разные вещи одним и тем же именем. В уважении к древней мудрости и нежелании попусту сотрясать воздух в спорах о фальсификациях и переписях полезно с самого начала определить основной предмет: что есть сама история?

Сразу оставим в стороне формальные определения типа «история – это наука...». Научкой можно заниматься в любой области человеческой деятельности, например, что, я думаю, не вызывает сомнений, в математике. Но разве первоклашка, перекладывающий палочки на уроке арифметики, занимается наукой? Ох, далек от нее и студент, зазубривающий к экзамену интегралы. Зато куда ближе повар, обобщивший опыт, как свой, так и коллег, в опубликованной им кулинарной книге. И математика и кулинария могут быть науками, а могут быть всего лишь

предметами, изучаемыми в школе или кулинарном техникуме. История тоже может быть наукой, школьным предметом или, для разнообразия, предметом горячего обсуждения на кухне за бутылкой.

Итак, что же такое эта многоликая история, история-ненаука, история вообще?

Самое простое «бытовое» определение истории как нашего прошлого почти верно, но с небольшой поправкой: история – это **наше представление о прошлом** или, чуть более по-научному, **наша трактовка прошлого**. Соответственно, у каждого человека своя история, но не в смысле биографии, а именно в смысле его личного представления о прошлом человечества. Одна история у школьника-двоечника и совсем другая – у профессора истории, причем у всех профессионалов-историков она разная. Если ученых, трактующих прошлое, много, то и историй тоже оказывается много и разных. В частности, есть истории России Татищева, Карамзина, Соловьева, Ключевского. В тоталитарном государстве, где круг профессиональных историков, формирующих представление о прошлом, принципиально ограничен и идеологически подконтролен властям предержащим, есть одна-единственная «официальная» история, регулярно изложенная коллективом доверенных историков в энциклопедиях и учебниках.

Догадываюсь, что в учебники большинство читателей давно не заглядывали и отнюдь не горят желанием делать это теперь, но я все же рискну предложить им всего лишь один абзац из вузовского курса истории последних лет советского времени. В «Истории России с древнейших времен до второй половины XIX века. Курс лекций. Ч. 1» (под ред. академика Личмана Б.В., Уральский государственный технический университет, Екатеринбург, 1995) можно прочесть следующее.

«Сами по себе «голые факты» как «фрагменты действительности» могут ничего не говорить читателю. только историк дает факту известный смысл, который зависит от его общенаучных и идейно-теоретических взглядов. Поэтому в разных системах взглядов один и тот же исторический факт получает разное толкование, разное значение. таким образом, между историческим фактом (событием, явлением) и соответствующим ему научно-историческим фактом стоит интерпретация. Именно она превращает факты истории в факты науки».

Понимаю, обыкновенному читателю, за уши притянутому мною к учебнику, трудно одолеть такую мудрость. Не понять простому смертному глубин профессорской логики, по которой почему-то совершенно разными вещами оказываются факты исторические и научно-исторические, факты истории и науки. Входя в положение читателя, придется перевести академические пассажи на человеческий язык. Так вот, смысл цитаты в том, что «голые факты» превращаются в «историю» интерпретацией этих фактов профессионалами-историками с учетом их идейных взглядов. Это как раз и означает, что история, как я уже говорил, есть интерпретация прошлого, некое представление о нем. Но право на такую интерпретацию, как убеждены авторы процитированного учебника, имеют не всякие там, а только историки. Надо ли напоминать, что в советской действительности историками считались только научные сотрудники Академии наук СССР, имевшие соответствующие ученые звания и занимавшие соответствующие посты в Академии? А самым главным «историком», имевшим неограниченное право на интерпретацию всех «голых фактов», была КПСС в лице ее Политбюро и Генерального секретаря?

С учетом сказанного, упомянутая выше «Комиссия... по противодействию попыткам фальсификации истории...» должна остаться без работы. Если история – это представление и трактовка, то фальсифицировать ее невозможно. Фальсифицировать можно факты, события, свидетельства, но не представление. Само словосочетание «фальсификация истории» – нонсенс. Но на самом деле Комиссии все же придется потрудиться: в тексте президентского Указа основные задачи Комиссии обозначены в пяти пунктах, и во всех говорится о фальсификации исторических фактов и событий, а не истории как таковой. Так что просто в названии Указа

допущена небрежность. Остается только надеяться, что созданная Указом комиссия избежит небрежностей в своей работе.

Теперь осмелюсь еще раз, честное слово – последний, испытать терпение читателя и закончу цитату из вузовского учебника.

«Не означает ли такое наличие различных интерпретаций исторических фактов, что исторической истины нет или их несколько? Нет, не означает. Просто меняются наши представления об истине. Движение науки идет как бы от неполной, относительной истины к более полной. Но абсолютной истины, как известно, не существует, поэтому, пока живет общество, не будет написано и «последней главы» истории».

Опять, если перевести нарочито наукообразно запутанные профессорские сентенции на общечеловеческий язык, то получится, что неизбежность множества различных частных историй примиряется с единственной «официальной» введением конъюнктурного понятия «исторической истины», которое всегда можно подправить, а то и полностью перевернуть вверх тормашками «движением науки от неполной, относительной истины к более полной». Главное, успевать корректировать эту «историческую истину» в соответствии с последними указаниями Партии и правительства.

А вот с чем в последней цитате нельзя не согласиться, так это с тем, что «пока живет общество, не будет написано и “последней главы” истории». То есть история будет писаться и переписываться бесконечно. И это абсолютно нормально. Разные представления о прошлом, то есть разные истории могут складываться в разных головах, ученых и неученых, на основании одних и тех же известных фактов. Тем более каждый вновь открытый факт, каждое вновь добытое знание может потянуть за собой новую интерпретацию прошлого, то есть переписывание истории. Так что на вопрос, можно ли переписывать историю, ответ однозначен: не только можно, но и нужно! Более того, чем больше людей будет втянуто в этот перманентный по своей сути процесс, тем полнее и масштабнее будет становиться панорама истории.

С таких исходных позиций взялся за перо (конечно фигурально, на самом деле сел за клавиатуру компьютера) ваш покорный слуга. Я не профессиональный историк, история древней Руси – всего лишь мое хобби, причем второе. Еще раньше, чем историей, увлекся я лингвистикой и теперь смотрю на лингвистику глазами историка, а на историю глазами лингвиста. Разумеется, историю я знаю хуже историков, а языки – хуже языковедов, но... смею надеяться, что ориентируюсь в языкознании лучше большинства историков, а в древней истории – поувереннее большинства лингвистов. И еще. Неисторику и нелингвисту проще не затягивать читателя в профессиональные глубины, но «с легкостью мысли необычайной» плыть по поверхности, лишь привлекая взгляд читателя к интересному для непрофессионала и в истории, и в лингвистике. То, что читатель найдет на последующих страницах, не репортерский ширпотреб, но и не научное исследование. Мне как автору нравится слово *расследование*, и мой труд, пожалуй, наминал работу скорее детектива-следователя, чем ученого-исследователя. Соответственно, эту книгу можно считать до некоторой степени историко-лингвистическим детективом. В этой же связи хочу заметить, что ссылки в тексте не имеют целью показать эрудицию автора или заручиться поддержкой авторитетов, они сугубо прагматичны и предназначены заинтересованному читателю, который по этим ссылкам может найти дополнительную полезную информацию.

Не будучи историком, я все же считаю возможным в своих расследованиях высказывать личное мнение по спорным вопросам и выдвигать собственные гипотезы, но ни в коем случае не настаиваю на них. Основная задача этой книги – привлечь внимание читателя к интересным моментам истории древней Руси, убедить его, что она полна загадок, интересных и до сих пор не разгаданных. А главное, побудить читателя задуматься над ними и поискать свое собственное решение, создать свое личное представление о прошлом. То есть... породить собственную историю! Внимательный читатель может заметить, что авторские гипотезы в разных

собранных в книге расследованиях не всегда стыкуются между собой и временами противоречат одна другой. Так оно и есть. Еще раз подчеркиваю: цель этой книги – задать вопросы, а не дать исчерпывающие ответы, которых у меня просто нет. Как, впрочем, и у профессиональных историков.

Не будучи лингвистом, но привлекая языкознание к проблемам истории, я вынужден местами для пояснения звучания иноязычных слов вводить в текст их фонетические транскрипции. Так как большинство читателей, даже если они проходили что-то в школе, вряд ли свободно воспримут общепринятую систему транскрибирования на основе латиницы и международного фонетического алфавита, транскрипции в книге даны более привычной массовому читателю кириллицей, хотя и в традиционных квадратных скобках. Только в отдельных случаях, где принципиально требуется точность передачи звучания, использована общепринятая нотация, но всегда с соответствующими оговорками и разъяснениями.

Ну что ж, теперь можно глубоко вздохнуть и погрузиться в расследование незнакомой истории древней Руси. Со своей стороны обещаю постараться, чтобы погружение было интересным.

Глава 1

Читая «Повесть временных лет»

Предисловие: замысления (Еще не читаем, но уже замыслиаем)

В который раз перечитываю «Повесть временных лет», и вдруг у меня возникает желание делать это не в одиночку, а делясь с кем-нибудь наваливающимся по ходу чтения недоумением и сарказмом. Самый благодарный собеседник – это воображаемый читатель. Что мне до того, с какой ноги он встал и обедал ли он сегодня. Он не обдаст перегаром сомнительного происхождения, выражая неумеренные восторги, не чихнет в ухо, пытаясь заглянуть в текст через плечо, не будет равнодушно ковырять в носу во время изложения суждения, которое моему внутреннему взору представляется весьма глубокомысленным и достойным большего внимания. Он по моему желанию может быть внимательным или рассеянным, придирчивым или снисходительным, философски молчаливым или восторженно словоохотливым. Вообще молчаливый собеседник – редкая удача, но ведь, если честно, иногда хочется услышать восхищенное «вот это да!» или какой-нибудь дельный вопросец, не из сложных, но дающий возможность блеснуть эрудицией.

Воображение – штука весьма податливая. Стоило только подумать о приглашении к себе некоего гипотетического читателя, как оно уже рисует толпы жаждущих внять мудрому слову. Лестно, конечно, но и обременительно. Пожалуй, я все же ограничусь одним читателем, но на всякий случай, если ко мне неожиданно-негаданно вломятся толпы порожденных моей фантазией поклонников, обзаведусь еще и хорошим воображаемым дворецким, преданным, исполнительным и... слегка глуховатым, чтобы не откликался на каждый стук в дверь. Поскольку я не намерен требовать от кандидатов в домоправители письменных рекомендаций, мне вполне подойдет Бэрримор. Я готов закрыть глаза на то, что шурин у него каторжник-убийца, во имя их общей родственницы, миссис Бэрримор, которая готовит овсянку – пальчики оближешь. (Придется облизывать – не ходить же с пальцами, измазанными в липкой массе, на которую не позарится даже голодная захудалая дворняга.)

Итак, дело решенное. Набираю в легкие побольше воздуха и ору:

– Бэрримор!

И... о чудо! В ответ явственно слышу чуть ворчливый, но, с одной стороны, полный уважительного внимания, а с другой, – требующий внимательного уважения голос, который доносится, кажется, с самого туманного Альбиона:

– Да, сэр!

– Я не сэр, Бэрримор.

– Конечно, сэр!

– Ну хорошо, хорошо... – В конце концов, почему бы не дать моему воображаемому читателю возможность пообщаться на «ты» с воображаемым сэром? – А что у нас на завтрак, Бэрримор?

– «Повесть временных лет», сэр!

– А на обед?

– «Повесть временных лет»... сэ-эр.

Кажется, про ужин лучше не спрашивать. Впрочем, что такое английский ужин?!

Мой любознательный читатель, мы с Бэрримором в полном твоём распоряжении. Догадываюсь, что тебе было недосуг прочесть «Повесть временных лет» самому, хотя допускаю,

что когда-то ты брал ее в руки и даже начинал неуверенно листать. Присаживайся рядом со мной в мрачноватой гостиной, где тени от камина лениво бродят по закопченным стенам среди портретов давно почивших баронетов, и мы прочтем вместе – не пугайся – всего лишь самое-самое ее начало. И не подряд, а выборочно, только то, что достойно стать объектом совместного чтения, и это чтение может оказаться интереснее, чем ты думаешь.

Устроился? Тогда я снимаю с печально скрипнувшей полки фолиант, сдуваю с него слой пыли, после чего на обложке проявляется виньетка-тиснение: «БСЭ» (именно так мы и дальше будем именовать Большую советскую энциклопедию). Осталось только найти нужную закладку, и вот мы с тобой, мой чихающий от пыли читатель, читаем:

«Повесть временных лет» – общерусский летописный свод, составленный в Киеве во 2-м десятилетии 12 в. и положенный в основу большинства дошедших до настоящего времени летописных сводов. Как отдельный самостоятельный памятник «П. в. л.» не сохранилась... в списках некоторых летописных сводов составителем «П. в. л.» назван монах Киево-Печерского монастыря Нестор... После своего появления «П. в. л.» ещё дважды подвергалась переработкам. Источниками 1-й редакции «П. в. л.» послужили Киево-Печерский свод конца 11 в., русско-византийские договоры 10 в., «Хронограф по великому изложению» – древнерусское компилятивное сочинение по всемирной истории, византийская хроника Георгия амартола, житие василия Нового, соч. Епифания Кипрского, тексты Священного писания, «Сказание о грамоте Словенской», предания о восточно-славянских племенах, о Кие, о мести Ольги древлянам, устные рассказы Яна вышатица, монахов Киево-Печерского монастыря и др... После неоконченной статьи 1110 в «П. в. л.» содержится запись о написании летописи в 1116 игуменом Сильвестром, который создал новую, 2-ю редакцию «П. в. л.». Сильвестр был игуменом Михайловского выдубецкого монастыря, семейного монастыря владимира Мономаха. Он частью опустил, а частью изменил последние статьи 1-й редакции «П. в. л.». При переделках Сильвестр большое внимание уделил владимиру Мономаху, преувеличив и приукрасив его роль в событиях конца 11 – начала 12 в., и ввёл ряд дополнений в «П. в. л.». в 1118 «П. в. л.»

была подвергнута новой переделке. в центре внимания 3-й редакции «П. в. л.» остаются события, связанные с домом Мономаха, главным образом с сыном владимира – Мстиславом. Последний редактор «П. в. л.» дополнил свой источник данными о семейных делах владимира Мономаха и его отца всеволода, уточнил данные о византийских императорах, в родстве с которыми состояли Мономахи. в целом же «П. в. л.» сохранила то значение, какое придал ей Нестор, – первого на руси историографического труда, в котором история Древнерусского государства была показана на широком фоне событий всемирной истории. Летописцы призывали князей к единству и защите русской земли от внешних врагов. Летопись вобрала в себя родовые предания, повести, сказания и легенды исторического и сказочно-фольклорного характера, жития первых русских святых, произведений современной летописцам литературы. Язык летописи тесно связан с живым русским языком 11–12 вв., отличается лаконичностью и образностью... (Перевод и подготовка текста Д.С. Лихачева)».

Перед энциклопедиями я благоговею с детства, с тех еще времен, когда жили мы с матерью в тринадцатиметровой комнатухе тринадцатикомнатной коммуналки на Самотеке. Среди наших многочисленных и самых разных соседей вспоминаю старого профессора Ширинского и совсем уж древнего еврея Наума Шепселевича, за глаза прозванного мною Мафусаилом. Ширинский был, кажется, профессором музыки, но мне запомнился как редкий эрудит. Мафусаил, всегда навеселе и всегда в одном шлепанце, иногда левом, иногда правом, вообще почитал профессора едва ли не богом и, встретив того в коридоре, бросал свои неспешные дела (если, конечно, они были неспешными, ибо встреча происходила чаще всего в коридоре на пути в уборную, где вот-вот могла собраться немалая очередь), шаркал шлепанцем вслед за профессором и обязательно задавал очередной каверзный вопросик. Похоже, вопросики эти он готовил заранее. Ширинский подробно, хоть и чуточку брезгливо отвечал, и

просветленный Мафусаил шаркал дальше, восхищенно приговаривая со своим местечковым выговором:

– Нэт, ви только подумайтэ, он вед прочёл всего энциклопедического словаря!

Наверно детское благоговение перед энциклопедической мудростью я с годами слегка подрастерял, поэтому без особого насилия над собой пощадил тебя, мой неподготовленный читатель, и процитировал статью БСЭ не полностью. Но и процитированного хватает, чтобы озадачить.

Что же такое «Повесть временных лет»? В начале приведенной статьи БСЭ предмет нашего интереса представлен как «общерусский летописный свод... положенный в основу большинства дошедших до настоящего времени летописных сводов». То есть попросту летопись. Однако ниже читаем нечто иное: «В целом же «П. в. л.» сохранила то значение, какое придал ей Нестор, – первого на Руси историографического труда». Уже не летописный свод, а историографический труд. Может быть, я чего-то недопонимаю, но в моем недопонимании (не сильно меня смущающем, поскольку точно так же «недопонимал» сам Брокгауз) летописи – это погодные отчеты о произошедших событиях. В Риме, и потом Западной Европе, они соответственно назывались анналами, а в Византии – хрониками, то есть «временниками»¹. Писали летописи и на Руси, и в Европе в основном монахи, скрупулезно фиксируя, что видели или слышали. И только. Историографический же труд – это нечто научное, исследовательское, творческое, наконец. Никак не летопись. По-моему, надо все-таки выбирать: либо то, либо другое. Не берусь судить, «тянет» ли «Повесть временных лет» на научное исследование, но без колебаний утверждаю, что это **не летопись**. Начало произведения вообще не имеет никакого отношения к летописанию. Одиночные летописные вкрапления начинаются лишь с 1000 года, но и после этого «Повесть временных лет» летописью не становится. По-моему, жанр произведения точно определил сам автор, назвав его **повестью**. То есть он писал, а мы соответственно будем читать беллетристику, литературное произведение, в данном случае на историческую тему. Я не вижу причин не соглашаться с автором и буду в дальнейшем именовать «Повесть временных лет» просто, но подчеркнуто «Повестью».

Мы точно не знаем, кто был первым автором «Повести». Может быть Нестор. Мы вероятно никогда не узнаем, сколько у нее в долгой череде веков было соавторов кроме Сильвестра. Поэтому, сознательно обходя вопрос о персоналиях, я в дальнейшем в отношении всех скопом создателей «Повести» чаще всего буду пользоваться абстрактным собирательным словом «автор». Но иногда, когда компилятивность «Повести» будет иметь принципиальное значение, мне придется делать специальные оговорки, но опять же не на персональном уровне, а по вероятному времени написания того или иного пассажа.

Общепринято, что «Повесть» была написана в начале XII века, вероятно, по инициативе киевского князя Святополка II, и почти сразу после его смерти переделана согласно «указаниям» Владимира Мономаха. Сам текст не оставляет сомнений, что автор выполнял, выражаясь современным языком, «социальный заказ» – обосновать права сначала Святополка, а потом Мономаха и их наследников на киевский стол². О значимости вопроса о киевском княжении без обиняков говорит сама заставка «Повести»: *«вот повести минувших лет, откуда пошла русская земля, кто в Киеве стал первым княжить...»* (все подчеркивания мои. – в. Е.).

Итак, «Повесть» – это повесть, однако не просто литературное произведение, которое еще могло бы быть в той или иной степени историографическим, но еще и апология, что с историографией никак не совместимо.

¹ Летопись – от древнерусского лѣто – «год»; анналы – annales (анналес) (лат.) – «годовые, погодные»; хроника – от χρονος (хронос) (греч.) – «время».

² Слово «стол» в значении «престол» встречается в надписи на самых древних монетах киевской чеканки: «ВЛАДИМИР НА СТОЛЕ». Весьма впечатляющее описание «стола» киевских каганов есть у ибн Фадлана (см. главу «Читая ибн Фадлана»).

На мой взгляд, «Повесть» вообще не следовало бы рассматривать в качестве исторического источника, но я отдаю себе отчет, что мой взгляд – не взгляд медузы Горгоны, а голос мой – отнюдь не труба иерихонская, и возопит он в пустыне. Во-первых, слишком сильна традиция веры в «Повесть», понимания ее как летописи. Эта традиция насчитывает века, она освящена милыми моему сердцу энциклопедиями, размножена в миллионах экземпляров ненавистными учебниками, прославлена велеречивыми панегириками академиков. Во-вторых, на безрыбье и рак – рыба. «Повесть» была, есть и, по-видимому, навсегда останется едва ли не единственным источником хоть каких-то сведений о начале Киевской Руси. В этом ее значимость. Но безоглядно верить этим сведениям, увы, нельзя. В этом ее коварство. Поэтому чтение «Повести» как исторического источника – это труд сродни расчистке авгиевых конюшен.

В свою студенческую стройотрядовскую бытность довелось и мне поработать Гераклом. Основным ударным объектом комсомольской стройки был совхозный клуб, возводимый на окраине центральной усадьбы, вспомогательным – овощехранилище в соседней деревне. Кто-то додумался строить клуб на месте заброшенного кладбища. Местные трудящиеся, освобожденные от работы советской властью и даровой студенческой рабочей силой, толпились в легком подпитии над котлованом и при очередной находке бранных останков их пращуров сокрушенно вздыхали: «Не, не будет стоять. На костях – не будет». (Аборигены не угадали: клуб устоял, с весенним паводком «уплыло» овощехранилище.) И основной, и вспомогательный объекты хорошего заработка не обещали, поэтому отрядное начальство с радостью ухватилось за калымную работу в отдаленной деревеньке совхоза, где надо было сломать старый коровник. Сулившая приличный заработок работа казалась легкой: ломать, как известно, – не строить... Ха! Семь человек ударной бригады ломали этот чертов коровник две недели, да так и не доломали. Нам пришлось вскрыть пять настилов, слоенным пирогом покрывавших пол коровника! Что было в начинке этого пирога, думаю, пояснять не надо. Мы весь день работали, обляпанные с ног до головы этой начинкой, а вечером с трудом отмывали ее в соседнем прудике. Однако специфический запах не поддавался зеленоватой маслянистой воде. Совхозные псы шарахались от нас и зло облаивали наш след, а в столовой специально для нас ввели отдельную смену. Но не было на нас печати прокаженных, нас сопровождали всеобщие любовь и признательность – заработанные на коровнике деньги шли в «общий котел» – и мы действительно чувствовали себя совершающими подвиг гераклами.

Как давно это было! Сейчас под бременем лет и в глубинах скепсиса знаний мне все труднее представлять себя героем. Слава богу, расписание подвигов у меня не столь жесткое, как у Мюнхгаузена в исполнении Олега Янковского, и я не обязан заносить расчистку авгиевых конюшен «Повести» ни в еженедельник на рабочем столе, ни в реестр героических свершений. Поэтому предлагаю, мой пугливый читатель, относиться к нашему совместному чтению как приятному времяпрепровождению. Я буду стараться, чтобы желание бросать меня вместе с «Повестью» возникало у тебя нечасто, но ты можешь в любой момент покинуть нас и в любой момент вернуться обратно. Бэрримор откроет дверь, скрывая зевоту под напускным выражением почтительности, я с трудом разлеплю веки, подниму с пола выпавшую из рук «Повесть» и мы вновь неспешно поплывем по ее страницам, укачиваемые волнами временных лет.

Надеюсь, мой терпеливый читатель, с которым мы уже одолели первую вводную часть, «Замышления», что мы таким же образом успешно переплывем и вторую часть наших совместных бдений – «Размышления», где легкое досуговое чтение «Повести» на первое и ни к чему не обязывающие размышления о прочитанном на второе будут сдобрены доброй порцией сарказма на десерт. Третья часть, «Измышления», где чтение как таковое отойдет на второй план, а на первый выдвинутся авторские измышления и всякое пустобрехство, припасена для больших энтузиастов разгадывания загадок старины глубокой, готовых копаться вместе со мной под полами авгиевых конюшен истории, и я не обижусь, если ты, мой малодушный читатель, к

этому моменту потихоньку дезертируешь. Вольному – воля. Надеюсь только, что расстанемся мы все же не врагами.

А теперь, мой измученный предисловием читатель, начнем «Повесть» сию...

Злословие: размышления (Потихоньку читаем и размышляем)

Собственно, мы уже начали, ведь первая фраза «Повести» и есть: *«так начнем повесть сию»*.

Еще раз привлекаю твое внимание, мой рассеянный читатель, автор настаивает на том, что написанное им произведение – это **повесть**. Правда, повесть эта особая. Особенность проявляется уже в следующем предложении: *«По потопе трое сыновей Ноя разделили землю – Сим, Хам, Иафет»*.

Библейские персонажи – полноправные действующие лица «Повести». С одной стороны, это естественно: для автора каждое слово Библии богоданно, все в ней написанное – не просто реальная история человечества, а абсолютная не подлежащая сомнению истина. С другой стороны, эта особенность исподволь придает первой повествовательной фразе особое значение. Теперь она не просто формальное начало повествования *ab ovo*³, такой зачин как бы задает общий тон «Повести» как **продолжению Библии**, заставляет читающего настроиться на восприятие всего написанного далее как не **подлежащего сомнению *argiori***.

Невероятно просто и эффективно! Почти тысячу лет читающие «Повесть» воспринимают ее текст как абсолютную истину, верят ей, если и не как Священному Писанию, то хотя бы как летописи. И зря. Ведь это всего лишь повесть...

«в Иафетовой же части сидят русь, чудь и всякие народы: меря, мурома, весь, мордва, заволочская чудь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимигола, корсь, летгола, ливы. Ляхи же и пруссы, чудь сидят близ моря варяжского».

Небольшой нюанс, почему-то не достаивавшийся внимания историков. В перечне народов Иафетовой части мира два выглядят явно привилегированно: русь и чудь. Прочие народы идут в куче как «всякие». Привилегированное положение руси глаз не режет, а вот чудь рядом с ней выглядит столь странно, что вновь хочется заглянуть в БСЭ. Заглядываем: *«Чудь – название в древнерусских летописях эстов (см. также Эстонцы) и родственных им угро-финских племён (заволочская Ч.), живших во владениях Новгорода великого к в. от Онежского озера – по рр. Онега и Северная Двина»*.

Нет, не проясняет энциклопедия, за что такая преференция чуди, почему автор ставит чудь наравне с русью. Может быть что-то разъяснит дальнейший текст? Ничего подобного, «Повесть» ничего не разъясняет, наоборот, продолжает все запутывать. В следующем предложении та же чудь неожиданно встречается еще раз (даже русь не удостоена такой чести!), причем в соседстве с... ляхами и пруссами! Если верить БСЭ и считать чудь эстонцами, то в рассматриваемой цитате «Повести» ее место, в соответствии с элементарной географией, должно было быть в ряду с зимиголой, летголой, ливами и ямью⁴. Так нет же, нелегкая уносит чудь почти за полтысячи километров на юго-запад, к самой Пруссии.

Но постойте, помимо «основной» чуди в нашей цитате помянута еще какая-то чудь заволочская. Благо, ее тоже встречаем в процитированной статье БСЭ. И что же? Впору хвататься за голову. Энциклопедическая заволочская чудь оказывается угро-финскими племенами к востоку от Онежского озера по рекам Онеге и Северной Двине, то есть более чем за полтысячи километров от Эстонии теперь уже на северо-восток. Вот тебе и неторопливые эстонцы – наш

³ *Ab ovo* (аб ово) (лат.) – с самого начала, дословно «от яйца».

⁴ **Зимигола** (земгалы), **летгола** (латгалы) – балтийские племена, предки латышей; **ливы** (либь), **ямь** (емь) – финские племена. Перечисленные народы жили у Финского и Рижского заливов Балтийского моря в непосредственном соседстве с современной Эстонией.

пострел везде поспел! Летописная Эстония простерлась «с южных гор до северных морей» – от Польши до самого Ледовитого океана.

Ученые умы этой проблемой почему-то не озаботились, поэтому искать ответ на первую загадку «Повести» о «Великой Эстонии» нам с тобой, мой неудовлетворенный читатель, придется самим. Но не сразу. В соответствии с уговором все собственные изыскания и домыслы мы оставляем на третью часть наших совместных чтений, «Измышления», а здесь сразу переходим к другой загадке «Повести», которая нам встречается прямо в следующем предложении: *«По этому (Варяжскому) морю сидят варяги: отсюда к востоку – до пределов Симовых, сидят по тому же морю и к западу – до земли английской и волошской».*

Само утверждение, что варяги сидят по Варяжскому морю, заглатывается легко, как добрый скотч из подвалов Баскервиль-холла, предусмотрительно принесенный нам Бэрримором. А где же еще им сидеть? К западу – это понятно. На всей Балтике хозяйничают варяги, то есть викинги норманны. Их длинные руки дотянулись до Англии еще в VIII веке, а к X веку их можно встретить и во Франции (в Нормандии), и в Италии (на Сицилии). Оставим пока волохов, у нас еще будет повод поговорить о них специально, и обратим наши взоры на восток. Оказывается, варяги уселись не только к западу, но и к востоку «отсюда». Ах!.. Осторожно, мой слабонервный читатель! Ну вот, брюки (юбку?) придется, вероятно, отдавать в химчистку. Зато о коврах нашего воображаемого Баскервиль-холла беспокоиться не стоит: вместе с веками утекло по усам, да в рот не попало столько всякого пойла, что ковры давно насквозь пропитаны всеми мыслимыми видами алкоголя.

Я понимаю тебя, мой ошарашенный читатель. Варяги, сидящие по Варяжскому морю **«отсюда» на восток «до пределов симовых»** – это что-то новенькое. Конечно, этому «новенькому» почти тысяча лет, но что делать, если такое интригующее замечание проигнорировано исследователями «Повести». Может быть, для них кажется естественным, что Варяжское, то есть Балтийское, море находится от нас на востоке и граничит с «пределами Симовыми» и что там сидят какие-то варяги, но у меня это настолько не укладывается в голове, что я вынужден позвать дворецкого:

– Бэрримор, еще два виски! И, будь добр, убери осколки.

Вторая загадка «Повести» о Варяжском море и варягах на востоке у «пределов Симовых» долго не будет давать покоя нам с тобой, мой сконфуженный читатель в мокрых штанах, заставляя периодически к ней возвращаться и в «Размышлениях», и в «Измышлениях».

«Потомство Иафета также: варяги, шведы, норманны, готы, русь, англъ, галичане, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, фряги и прочие, – они примыкают на западе к южным странам и соседят с племенем Хамовым».

Вопросы по географии сыплются, как из рога изобилия. Оказывается, у автора «Повести» Швеция примыкает к южным странам и соседит с Африкой! Н-да...

Признаюсь, лишь в весьма зрелом возрасте я осознал парадоксальность поговорки: «как швед под Полтавой» – и отдал должное военному гению Карла XII. А ты, мой беззаботный читатель, не задумывался над тем, в каких широтах обитают шведы и на какой широте стоит Полтава? Лично мне, когда я сподобился задуматься над этим, как будто послышался голос Л. Филатова:

А теперь смекай, солдат,
Где Москва, а где Багдад!

Если бы не полтавская битва, где сгнула победоносная шведская армия, географические новации автора «Повести» могли бы спустя шестьсот лет обрести реальные очертания. Но не случилось, шведы так и не присоседились к «племени Хамову». Единственное, что уда-

лось разбитому Карлу XII, это добраться до «пределов Симовых» в Стамбуле, где он нашел политическое убежище в почетном плену у турецкого султана.

Но интересно в цитате вовсе не это. В африканских соседях шведов нет никакой загадки, просто автор «Повести» не силен в географии, далеко ему до профессора Ширинского. Интересно последняя цитата другим. По существу, перед нами второе перечисление народов колена Иафета, но как же оно разнится с первым, представшим нашему взору несколькими строками ранее! Кроме руси никаких пересечений с предыдущим списком, и автор как будто вовсе забыл про привилегированную чудь. Это и служит ключом к разгадке второго перечисления народов колена Иафета. Оно добавлено в «Повесть» много веков спустя, когда на Руси уже не было никакой чуды, веси, мери, или муромы, и первое перечисление потеряло для читателя всякий смысл. Зато вокруг Руси появились новые народы, имена которых переписчик считает необходимым добавить в текст «Повести». Сами эти имена позволяют примерно определить время вставки нового текста.

Давай, мой начитанный читатель, зададимся простым вопросом: когда на Руси появились этнонимы⁵ «немцы», «фряги», «корлязи»? Когда Древняя Русь могла познакомиться с венецианцами? Наиболее вероятный ответ – не ранее XIV века, скорее в XV веке, когда в наших летописях появилась «Повесть о взятии Царьграда фрягами». Соответственно, мы с тобой, мой обманутый читатель, имеем дело со вставкой XIV—XV веков. Таких вставок в «Повести» – пруд пруди, мы на них будем наткаться регулярно. Увы, нельзя сказать, что они сделали повествование более верным или хотя бы более понятным.

И еще пара замечаний.

Первое. В XIV веке на Руси давно уже нет никаких варягов. Они для автора вставки – некое загадочное племя, вроде бы имеющее какое-то отношение к скандинавским народам, в числе которых он их и помещает. В результате варяги существуют сами по себе, независимо от шведов и норманнов (норвежцев). Но и шведы с норвежцами для переписчика «Повести», киевского монаха XIV—XV веков, – всего лишь некая абстракция, известная из летописей благодаря древним родственным связям Владимира Крестителя и Ярослава Мудрого. С датчанами первые князья не роднились, и те вовсе выпадают из нового перечня потомков Иафета. Зато наряду с абстрактными шведами автор вставки помещает в список отдельной позицией реально известных ему готов, с которыми в XIV веке вели торговые дела и подписывали соответствующие договоры Новгород Великий и Смоленск. Так в одном списке оказываются рядышком и варяги, и шведы, и готы.

Второе. Независимо от времени написания этой вставки, римляне конечно же не совместимы во времени ни с одним другим народом из рассматриваемого реестра. Поэтому под «римлянами», вероятно, здесь следует понимать «ромеев», то есть византийцев.

Поскольку к этой короткой вставке-перечислению нам еще не раз придется возвращаться, мой скрупулезный читатель, оставим здесь закладку – *«Потомство иафета»* – и двинемся дальше.

«Сим же, Хам и Иафет разделили землю, бросив жребий, и порешили не вступать никому в долю брата, и жили каждый в своей части».

Любопытная апологетическая отсебятина. Ветхий Завет не опускается до таких мелочей, как дележ земли сыновьями Ноя. И жребий, и зарок «не вступать никому в долю брата» – выдумки автора «Повести»⁶. Приписав их библейским прабратьям, он тем самым как бы освящает решения Любечского съезда 1097 года, где расплодившиеся князья поделили уделы и договорились не посягать на чужое: *«каждо да держит отчину свою»*. Но и этого мало. Ссылка

⁵ **Этноним** (от ἔθνος (этнос) – «племя» и ὄνομα (онюма) – «имя», греч.) – название племени или народа.

⁶ Возможно, я зря возвожу поклеп на автора «Повести», поскольку тема дележа Ноева наследства впервые прозвучала в апокрифическом «Евангелии Иуды» и могла быть подхвачена византийскими хрониками, через которых стала известна на Руси.

на сыновей Ноя предназначена придать решениям съездов значение, о котором большинство его участников по простоте душевной даже не подозревало.

Тут надо учесть, мой неискушенный читатель, что на Руси того времени в наследовании княжений действовало так называемое лествичное право, согласно которому власть переходила не к старшему сыну, а к старшему в роде, обычно следующему по старшинству брату или племяннику. Поскольку князья плодили потомство похлеще быков-производителей, архаичное право создавало среди прорвы братьев, дядей и племянников жуткую неразбериху в правах на наследство и усугубляло феодальную раздробленность Руси. Сыновья Ноя призваны решить эту проблему. В тексте «Повести» Сим, Хам и Иафет не просто поделили землю, но и, живя «каждый в своей части», навечно оставили свои уделы потомству. Тем самым «Повесть» интерпретирует решение съезда не только как конец междоусобицам, но и как переход к нормальной системе наследования, что, между прочим, автоматически закрепляло великокняжеский киевский стол за патроном автора «Повести» Святополком Изяславичем и его детьми.

Ты уже догадался, мой проницательный читатель, что столь вольная трактовка решений съезда осталась лишь благим пожеланием, и киевское княжение после смерти Святополка досталось не его отпрыскам, а Мономаху. Тем не менее, каждый новый узурпатор великокняжеского стола был больше других заинтересован в том, чтобы работала система нормального наследования, освященная и пропагандируемая «Повестью», поэтому приведенная фраза сохранилась во всех ее редакциях как универсальная максима.

«...произошел и народ славянский, от племени Иафета – так называемые норики, которые и есть славяне. Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле...»

Концепция дунайской или, как вариант, карпатской прародины славян была и остается очень популярной в славистике. Опираясь на нее, находят не только в «Повести», но и во «Влесовой книге». Главное, также к среднему Дунаю относятся первые упоминания славян в греко-римских источниках (Прокопий Кесарийский, Иордан). Однако в среде профессионалов отношение к этой концепции скорее скептическое. Она не подтверждается археологически, а археология – единственный в истории объективный критерий любых концепций и умозрительных построений. Кроме того, остается огромная неопределенность в датировке появления славян на Дунае и в Карпатах. Из «Влесовой книги» различные интерпретации извлекают время пребывания в Карпатах действующих лиц (строго говоря, славянами во «Влесовой книге» они не называются) в весьма широком диапазоне, в целом укладывающемся во вторую половину I тысячелетия до н. э. Греко-римские источники впервые упоминают славян на Дунае только в VI веке н. э. Расхождение минимум шесть веков. А что же «Повесть»?

В «Повести» некие норики, они же славяне, оседают по Дунаю на территории Венгрии и Болгарии. Здесь нужно сделать важную оговорку. В дошедшем до нас древнерусском оригинале нет «славян», они появляются в переводе на месте «**словен**» оригинала. Отметим эту вольность Д. Лихачева и пойдем дальше. Исторической науке норики известны как иллирийское племя. В I веке до н. э. они создали свое царство Норик, которое вскоре было завоевано Римом и преобразовано в одноименную провинцию (Noricum). В начале V века та была захвачена готами и прекратила свое существование. Если норики «Повести» и жители Норика – одно и то же, то этим норикам не нужно было «садиться» по Дунаю, иллирийцы там сидели испокон веков. А словене (внимание, не славяне вообще, а конкретно **словене**) и поныне пребывают в южной части территории бывшего Норика, занимавшего современную центральную Австрию и горную **словению**. Этот факт говорит в пользу идентичности исторических норики-иллирийцев с норики-словенами «Повести». Текст «Повести» ему подыгрывает и тем, что Венгрия действительно находится рядом с историческим Нориком. Возникает только одно «но»: при чем тут Болгария? Интересный вопрос, мой во все вникающий читатель.

Возможно современная Болгария тут ни при чем. А вот в начале X века Первое Болгарское царство, далеко продвинутое усилиями Симеона по правому берегу Дуная на север до самой Дравы, вплотную сомкнулось с землей, только что захваченной венграми на противоположном дунайском берегу. То есть, слово «теперь» последней цитаты «Повести» может относиться только к первой трети X века. До этого времени в районе исторического Норика не было венгров, а после не было болгар. Соответственно, можно предполагать, что данный текст был написан в указанное время, а автор «Повести» лишь механически заимствовал его, причем его географические познания были недостаточны, чтобы скорректировать текст соответственно реалиям XII столетия. (Вспомним тропическую Швецию на закладке *«Потомство иафета»*.)

Начало X века – период, на котором стоит чуть-чуть задержаться. В это время на территории бывшего Норика, Моравии и Паннонии заканчивает свое существование одно из первых в истории славянских государств. Из агонизирующей Великой Моравии, раздираемой внутренними княжескими междоусобицами, теснимой с северо-запада немцами и наводняемой с юго-востока венграми, во все остальные стороны бегут ее обитатели. Этот «великий исход» имел огромное значение для славянского мира. Он разнес практику государственности и традицию оригинальной письменности по окрестным землям, и вскоре вокруг бывшей Великой Моравии, как грибы после дождя, начинают вырастать славянские государства: Чехия, Польша, Русь, Сербия, Словения. И я сильно подозреваю, мой простодушный читатель, что «разошлись славяне по земле» вовсе не в незапамятные времена, а как раз в X веке, едва ли не на глазах у автора «Повести».

Вообще-то последняя цитата несмотря на краткость допускает много разных толкований. Пара из них достойна того, чтобы вернуться к ним в «Измышлениях».

«...разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. так одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались морава, а другие назвались чехи. а вот еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане... славяне эти пришли и сели на висле и прозвались ляхами... так же и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие – древлянами, потому что сели в лесах, а другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, именуемой Полота, от нее и назвались полочане. те же славяне, которые сели около озера Ильменя, назывались своим именем – славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. а другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле, и назвались северянами».

Цитата длинновата, но длина ее соответствует предполагаемой значимости. Автор «Повести» пытается объяснить возникновение племенных названий у расселившихся славян. Поначалу все логично: пришли одни на реку Морава и прозвались морава. Но коли так, почему другие назвались чехами? Столь же непонятно, отчего хорваты – хорваты (да еще и белые!), сербы – сербы, а хорутане – хорутане. Осевшие по речке Полоте назвались полочанами. Прекрасно. Тогда почему славяне на Висле прозвались ляхами, а не вислянами, например, а поселившиеся по Днепру – полянами, а не днепрянами? Древляне прозвались так, потому что сели в лесах. Куда ни шло, хотя и сомнительно, скорее назваться бы им лесянами. Северные славяне у Ильменя почему-то сохранили исконное племенное имя. Допустим. Но какого ляда назвались северянами живущие на юге, на левобережье Днепра: по Десне, Сейму и Суле? В общем, слов много, а смысла мало: в огороде бузина, а в Киеве... поляне! Трудно отделаться от впечатления, что автор сам толком ничего не знает и только «пудрит» нам с тобой мозги, мой доверчивый читатель. А вот кто не должен быть доверчивым, так это хороший дворецкий.

- Бэрримор!
- Да, сэр.
- Как называют себя жители Англии?
- Британцами, сэр.
- Спасибо, Бэрримор, ты нас утешил.

Теперь, мой утешенный читатель, разобравшись с англичанами и британцами, остановимся подробнее на полянах и древлянах. Для этого я воспользуюсь твоим временным благодушием и забегу немного вперед. В дальнейшем (под 898 годом) «Повесть» задним числом объясняет происхождение племенного имени полян: *«Полянами прозваны были потому, что сидели в поле...»*

А древляне, как мы видели, прозваны древлянами, *«потому что сели в лесах»*. Как все просто. Не знаю, было ли в древнерусском языке времен расселения славян слово «поле». Может быть, знают филологи⁷. Я также не знаю, когда поляне поселились на Днепре. Подозреваю, что этого не знает никто. Зато известно, что во время написания «Повести» слово «поле» было хорошо знакомо жителям Киева, где «Гора», то есть княжеские хоромы на Старокиевской горе, противопоставлялась «Полю (вне града)», которое включало как остальной город внизу, причем изначально имеется в виду не Подол, а противоположный южный склон Горы, так и, в последствии, прочие киевские окрестности.

Противопоставление княжеских хором на «Горе» окрестному «Полю» характерно для ранних русских городов. В частности, одинаковую трехзонную структуру «Поле – Гора – Подол» имели Ладога и Киев. Даже порядок этих зон был одинаковым, если смотреть на город с реки, соответственно Волхова и Днепра. В этой структуре Поле первоначально было местом погребения властителей и знати. Но по мере расширения границ города оно быстро теряет свои сакрально-погребальные функции и активно заселяется. В Киеве на Поле (вне града) выдвинулся уже «город Владимира», а разросшийся «город Ярослава» практически ликвидирует Поле как самостоятельную зону.

Следовательно, для киевлянина XI—XII веков, в частности автора «Повести», **поляне** – это просто обитатели Киева и его окрестностей, и понятие это не этническое, а географическое. И слова «сидели в поле» (следовало бы перевести «сидели в Поле») синонимичны словам «сидели в Киеве (у Киева)».

Противопоставлению полян и древлян имеется весьма любопытная аналогия у готов, которые в какой-то момент поделились на восточных (остготов), называвших себя грейтунгами (у латинских авторов greutungi), и западных (вестготов), именовавшихся тервингами (tervingi). Согласно исторической традиции, остготы в III—IV веках н. э. обитали, в частности, на землях полян «Повести», а вестготы – на древлянских землях. В исторической литературе встречаются переводы этнонима «грейтунги» как «поляне», а «тервинги» – как «древляне». Если это так, то этимология полян и древлян вовсе не славянская, а германская, что, казалось бы, снимает и вопрос о существовании в древнерусском языке слова «поле» для полян, и натяжку с заменой целого леса одним единственным деревом для древлян.

Однако если на таком объяснении не успокоиться, а копнуть чуть глубже, то окажется, что германская этимология для древлян и полян ничем не лучше. Лингвисты и в древнегерманском для объяснения этнонима тервингов не нашли иного корня кроме *triu, что означает все то же «дерево», за которым леса по-прежнему не видать. Готское greutung (древнескандинавское gryting) этимологизируется из древнегерманского *griut со значением «гравий, щебень». Можно еще себе представить, что дерево как-то может заменить целый лес, но как гравий или щебенка заменит поле, а именно отнюдь не каменистые леса и лесостепь на правом берегу Днепра, я лично не понимаю. А что нам скажет здравомыслящий англичанин?

– Бэрримор, что можно произвести из гравия?

– Гравия?

– Ну да, из этого, как его, *griut, а по-вашему, по-английски, grit.

⁷ Пожалуй, я могу предвосхитить ответ филологов. Слово *поле* есть практически во всех современных славянских языках (в формах (поле)/(поло)), поэтому можно смело предположить, что было оно и у древних поднепровских славян.

– Вы хотели сказать grits, сэ. Вообще некоторые из нее варят овсяную кашу, но миссис Бэрримор никогда этого не делает. Она использует исключительно oatmeal.⁸

Теперь понятно, почему каша миссис Бэрримор такая липкая!

Поскольку английский здравый смысл нам ничем не помог, да и археология в таком вопросе не помощница, обратимся, мой жаждущий истины читатель, за хоть сколько-нибудь объективными данными к независимым свидетелям.

Названия подчиненных Киевской Руси славянских племен встречаются в труде византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», написанного в середине X века. Среди них вполне узнаваемы другувиты (вероятно, дреговичи «Повести»), кривитеины (кривичи), северии (северяне), а вот ни полян, ни древлян почему-то нет! Правда, недостача полян и древлян компенсируется излишками в виде каких-то вервиан и лендзанинов.

Историкам приходится изворачиваться, и возникает версия, что из-за неточности информатора Багрянородного или описки переписчика в вервиан, например, могли превратиться дервиане. Но тогда возникает законный вопрос об этническом лице летописных древлян. Во-первых, *дервиане* звучит даже ближе к тервингам, чем к древлянам (в древнегерманском (т) и (д) почти не различались, и слово *тервинг* звучало близко к (дервинг)⁹). Во-вторых, у византийского хрониста Иоанна Скилицы, современника автора «Повести», князя Игоря казнят, причем точно так же, как в «Повести», разрывая распрямляющимися деревьями, вовсе не древляне, а какие-то немцы.

Если мы пристраиваем вервиан в качестве древлян «Повести», то для полян у Багрянородного остаются только лендзанины. Не знаю, можно ли объяснить этих лендзанинов из древнерусского языка, но звучит словечко как-то по-польски. Впрочем, в современном польском языке поле и есть *pole* (поле). Зато, опять же, корень *лендз* – созвучен с германским *land* (лянд) – «земля, страна». Но если германская этимология для грейтунгов и тервингов IV века в среднем Поднепровье вполне приемлема, имея в виду некое готское государство (условно «державу Германариха») и соответствующую ему черняховскую археологическую культуру, то германские толкования лендзанинов для Киевской Руси середины X века – нонсенс. В общем, дело темное.

Справедливости ради надо признать, что существует одно на первый взгляд удовлетворительное объяснение отсутствию полян у Константина Багрянородного. Мы до него еще доберемся в свое время.

«Когда волохи напали на славян дунайских, и поселились среди них, и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на висле и прозвались ляхами...»

Мы с тобой, мой незабывчивый читатель, снова встретились с волохами, и на сей раз попытаемся разобраться, кто же они такие.

Брокгауз и Ефрон уверяют нас, что волохами древние славяне называли итальянцев. БСЭ вообще обходит волохов своим вниманием и упоминает их лишь мельком в этногенезе¹⁰ современных румын. Наконец, лингвисты докопались, что древнерусское *волохъ* происходит от германского *Walch / Welch* (вальх / вельх)¹¹, как германцы называли кельтов. Впрочем, у тех же древних германцев *Walhōland* – еще и Италия, что не удивительно, ведь весь север Апеннин-

⁸ По-английски *grit* (грит) – «песок, гравий»; *grits* (гритс) – «овсяная крупа (грубого помола)»; *oatmeal* (оўтмил) – «овсяная крупа (мелкого помола), толокно».

⁹ Более точно, на конце слова звучит «носовое г» (в общепринятой транскрипции (ŋ)). В русском языке такого звука нет, и он традиционно передается сочетанием (нг).

¹⁰ *Этногенез* (от *ἔθνος* (этнос) – «племя, народ» и *γενεσις* (генезис) – «происхождение», *греч.*) – «происхождение народа».

¹¹ Не отсюда ли пришли на страницы книжного сериала о Волкодаве **вельхи**? Что ж, М. Семенова считается специалистом по кельтам. Не обошлось без кельтов и в ее «Валькирии», где кельты-галаты были безжалостно переброшены писательницей в Новгород за три тысячи километров и тысячу с лишним лет от исторически известной Галатии III века до н. э. в Малой Азии.

ского полуострова с IV по I века до н. э. был оккупирован кельтами и звался у римлян Цизальпинской Галлией.

Итак, на роль летописных волохов претендуют сразу:

- а) итальянцы, в «древнем» варианте – римляне;
- б) румыны или, для указанного времени, их предшественники гето-даки;
- в) какие-то кельты.

Так кто же все-таки напал на дунайских славян? Кто внедрился в их ряды и потом так притеснил, что несчастные норики (как тут не перефразировать шекспировского Гамлета: «Бедный Норик!»?) улепетнули с Дуная на Вислу, а чтобы проклятые волохи не догнали и не добавили, на всякий случай еще и переименовались в ляхов? Интрига вопроса в том, что в разные периоды истории иллирийское среднее Подунавье в районе Норика захватывали или могли захватить и кельты, и гето-даки, и римляне.

Рейнские кельты были первыми достоверно известными в истории Европы захватчиками территории современной Австрии. Именно они на рубеже V—IV веков до н. э., еще в самом начале «великой кельтской экспансии», основали на Дунае город Виндобону, которая со временем превратилась в столицу Австрии Вену.

Предполагаемые предки румын имели некую возможность напасть на среднее Подунавье в I веке до н. э. при гето-дакском вожде Буребисте. Примерно в это же время существовало иллирийское царство Норик. В принципе возможно допустить, что Буребиста, славившийся смелыми рейдами в Македонию и Иллирию, устраивал набеги и на Норик. Но в любом случае у гето-даков не было времени поселиться среди нориков и притеснять их; для этого правление Буребисты было слишком коротким, а его военная активность в конечном счете только спровоцировала начало покорения римлянами Дакии и всего Подунавья, включая Норик.

Римляне завоевали Норик где-то на рубеже эр, вполне возможно, вследствие войны против Буребисты. Не сохранилось никаких исторических свидетельств притеснений римлянами завоеванных нориков, равно как и археологических следов бегства жителей Норика того времени на Вислу. Наоборот. На рубеже эр уже четко обозначаются археологические векторы массового расселения древних германских племен с севера центральной Европы, в частности с Вислы, на юг и юго-восток, куда вслед за бастарнами и скирами устремляются сначала лугии и вандалы, а затем готы и гепиды.

Но самое главное, все три перечисленных случая не должны иметь никакого отношения к истории славян согласно господствующей среди ученых, историков и археологов, точки зрения, что говорить о славянах до V века н. э. вообще не имеет смысла. Поэтому давайте посмотрим, кто нападал на Норик в районе V века и после.

Именно с V века в Европе начинается долгая круговерть «переселения народов». В 408 году н. э. Норик захватывают вестготы, через год – остготы. Думаю, без притеснений и немалых тут не обошлось. Вслед за готами по Норик проходили лангобарды. Заметной германизации подверглись не только Трансальпийская Галлия, но почти вся Италия. Но немцев наши летописи отличают с самых древних времен (можно вернуться на закладку «*Потомство иафета*»), и не видно причин, с чего бы им обзывать немцев волохами.

В VI—VII веках до Норика добираются авары. Но нехороших аваров, злостно притеснявших дулебов, «Повесть» знает, именует обрами и вряд ли путает с волохами.

А затем набирает силу «славянский реванш». Считается, что в VII—IX веках славяне заселяют основные территории современного обитания. Так что если в это время кто-то кого-то и притеснял в Норике, то славяне могли быть только притеснителями, а не притесняемыми. В VII веке возникает государство Само – первое в истории славянское государственное образование (если, конечно, не считать славянским государством царство Норик I века до н. э.). В IX веке преемницей Само становится Великая Моравия, где появляется первая оригинальная славянская письменность.

Правда, славянская экспансия охватила лишь три стороны света. На западе она уперлась в непреодолимую преграду – мощь государства франков. И сила одолела силу. С VIII века как раз захватом Норика начинается медленная, но неуклонная подвижка на восток границы между германским и славянским мирами. В результате на рубеже IX—X веков Великая Моравия подвергается иноземным вторжениям сразу с двух сторон. «Ползучую интервенцию» Восточно-франкского королевства, будущей Германии, останавливают наводняющие Среднедунайскую равнину венгры. Но немцев на роль волохов мы уже успели отместить, а обзывать волохами хорошо ему известных венгров у автора «Повести» тоже оснований не видно.

И что же в итоге? А ничего! Ни один известный нам исторический факт не может быть поставлен в соответствие этой маленькой цитате. Тупик.

Некоторую надежду нам дарит академик О. Трубачев предлагающий в недавно вышедшей книге «Этногенез и культура древних славян» свое решение этой проблемы. Читать сразу две книги, мой любящий порядок читатель, мы не будем. Если же вкратце, Трубачев склоняется к тому, что волохами «Повести» были все-таки древние кельты, а их нападение на дунайских славян имело место в Норике во время «великой кельтской экспансии». Magari... Черт возьми, кажется, я ненароком перескочил на итальянский. Уж больно уместно здесь такое великолепно короткое и емкое итальянское словечко magari, которое можно перевести на русский целой фразой: «хорошо бы, если бы это было бы так». Действительно, хорошо бы! Правда, в этом случае надо не только допустить, что славяне существовали уже в середине I тысячелетия до н. э., причем именно на Дунае, но и что до автора «Повести» об этом дошла вполне определенная информация. Первое я себе представить еще могу (скорее, хочу! Magari!!!), а что до второго... Как-то не получается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.